

УДК 94 “1941/1945”

А.И. Лойко

доктор философских наук,
профессор Белорусского
национального технического
университета
г. Минск

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СВЕТЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ ИСТОРИИ**

В статье раскрыта динамика послевоенных международных отношений в свете невыученных уроков истории.

Ключевые слова: международные отношения, уроки истории, вторая мировая война, глобализм.

UDK 94 “1941/1945”

A.I. Loiko

Doctor of Philosophy, professor
Belarusian National Technical
University
Minsk

**INTERNATIONAL POSTWAR RELATIONS IN THE LIGHT OF
UNLEARNED LESSONS OF HISTORY**

Abstract: Dynamics of international relations after the World War II is discussed in the light of unlearned lessons of history.

Keywords: international relations, history lessons, World War II, globalism.

Факторы, препятствующие развитию международных отношений, ассоциируются с практикой физического уничтожения человеческого капитала, инвесторов, что имело место в Германии в тридцатых – сороковых годах XX столетия. Подобные практики создали механизм бегства инвесторов и утечки их капитала за пределы агрессивной по отношению к ним институциональной среды, оказавшейся в пространстве второй мировой войны.

В результате частные инвесторы и капиталы сосредоточились в США, где им были предоставлены гарантии демократических прав, безопасности, неприкосновенности частной собственности. Государство в лице политической элиты США нашло свой интерес, совпавший с экономическими и политическими интересами владельцев частных капиталов. Он выразился в реализации стратегии социальной стабильности общества, создания емкого внутреннего рынка. Частные инвесторы согласились через механизм реализации на внутреннем рынке государственных облигаций кредитовать американскую систему национальной безопасности. В скором времени она трансформировалась в глобальную систему национальной безопасности. Инвестиции в пространстве глобальной экономики требовали гарантий американского присутствия практически во всех регионах планеты. Подобный механизм гарантий транснациональной деятельности частных экономических интересов был апробирован после разгрома нацистской Германии и ее союзников в Европе. Он выразился в создании НАТО. В тихоокеанском регионе блоковый принцип не использовался, предпочтение было отдано двусторонним отношениям США с Японией, Южной Кореей, Тайванем. Образ Японии у ее соседей все еще ассоциировался с негативным отношением из-за перенесенных в годы второй мировой войны лишений, созданных оккупационными войсками кантонской армии. Парадоксальность модели американского присутствия в глобальном мире заключается в том, что она основана на жестком неприятии

инаковости [1]. В результате государства мира оказались в ситуации, когда вмешательство в их внутренние дела стало нормой социальной практики.

Частные инвесторы вышли за пределы модели американских гарантий военно-политического присутствия только в случае КНР, где их привлекла дешевая, дисциплинированная и довольно хорошо образованная рабочая сила. На два самых емких потребительских рынка глобальной экономики в лице Северной Америки и Евросоюза стали развивать индустриальный и сырьевой экспорт остальные национальные экономики. В обратном направлении шли инвестиции и наукоемкая высокотехнологичная продукция, которая формировала вестернизированную потребительскую культуру на периферии. Поскольку наукоемкая постиндустриальная культура требует развитой инфраструктуры образования и науки, финансовых ресурсов для инвестирования в человеческий капитал, то многие национальные экономики и связанные с ними политические элиты отдали предпочтение сырьевым и индустриальным нишам деятельности. Поскольку таких государств оказалось много в аграрном и энергетическом сегментах экономической деятельности, то возникла насыщенная конкурентная среда на рынках экспорта. Ситуацию на ней ужесточает присутствие на этих рынках производителей высокотехнологических экономик в лице США, Канады, Австралии, Соединенного Королевства. В результате на рынке нефти сложилась ситуация превышения предложения над спросом. Конкуренция в условиях перепроизводства нефти возникла между сторонниками классических технологий добычи нефти, представляющих сырьевые национальные экономики, и высокотехнологическими способами ее получения из земных пластов. Подобная ситуация конкуренции существует и на рынке продовольствия, где генетика стала одной из причин противостояния сторонников классических и неклассических технологий земледелия и животноводства.

Ситуация высоких рисков на сырьевых рынках усугубляется нелинейным функционированием индустриальных экономик, периоды быстрого экономического роста которых чередуются с периодами замедления темпов

производства, что характерно для национальной экономики КНР. Поскольку она представляет 18% мирового промышленного производства, то замедление ее роста сказывается на мировых сырьевых рынках. Казалось бы, зная особенности конкурентной среды в сырьевых секторах экономической деятельности, национальные экономики должны были бы стремиться к минимизации рисков за счет диверсификации структуры экспорта, проводить структурные реформы. Например, над российской, иранской, турецкой, китайской, латиноамериканскими экономиками не довлеет колониальное прошлое. Они располагают инфраструктурой образования, науки. Но усилий, направленных на эффективное использование международного разделения труда, нет. Объяснение заключено в механизмах институциональной инерции. Как пишет Т. Веблен, «привычный образ мышления людей имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго, кроме тех случаев, когда к его перемене принуждают обстоятельства. Эти таким образом унаследованные институты, этот образ мысли, точки зрения, настрой и способности ума, да и многое другое являются, следовательно, сами консервативным фактором. Это фактор социальной инерции, психологической инерции, консервативности» [2. с. 202–203].

Асимметрия высокотехнологических рынков Северной Америки, Евросоюза и рынков развивающихся государств, находящихся во власти институциональной инерции отразилась на мировом финансовом рынке. Доллар и евро укрепляются, национальные валюты развивающихся государств девальвируются. К факторам экономической нестабильности добавляются политические факторы внутренней дестабилизации развивающихся государств. В результате возникла ситуация великого переселения народов, направление которого связано с Европой, подверженной национализму. В первую очередь речь идет о такой форме национализма, как неонацизм. Праворадикальные организации неонацистов приобретают все большую поддержку аутентичного населения европейских государств под давлением внешних факторов миграции. Фактически Европа движется к ситуации, сформировавшей в свое

время условия для прихода к власти нацистских организаций и лояльных им националистических организаций. Причем пришли эти организации к власти демократическим путем.

США потратили много сил в борьбе с коммунизмом в Европе. При этом они постоянно использовали ресурс европейских националистических организаций в борьбе с СССР, а сейчас и против России, что видно на примере событий на Украине. Но неонацистские организации, как правило, не следуют контексту чужих интересов. Они всегда надеются на историческую возможность прихода к абсолютной власти. В свое время Запад потворствовал росту амбиций нацистской Германии. Это потворство закончилось Второй мировой войной. России, как и в тридцатые годы СССР, приходится иметь дело в мировой политике с атмосферой потакания националистическим и радикальным движениям как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Это свидетельствует о том, что угроза глобального конфликта постоянно питается социальным феноменом искушения глобализмом. США уже накопили определенный исторический опыт геополитических ошибок, но он не влияет на мировосприятие политической элиты этой страны [3]. Особенно опасны последствия искушения глобализмом в Европе, где речь идет о таком психологическом факторе как кризисное общественное сознание, в структуре которого сильные позиции занял духовный и культурный нигилизм.

Духовный нигилизм в Европе берет начало в XVIII столетии, когда французскими просветителями была сформулирована радикальная программа борьбы с религией, перехода на принципы светского образа жизни. В XIX столетии эта программа под влиянием идей социал-дарвинизма была расширена до понятия культурного нигилизма, в рамках которого Ф. Ницше сформулировал методологию переоценки всех ценностей. Под сомнение были поставлены фундаментальные ценности человеческой жизни на основании биологических критериев борьбы за существование, воли к жизни, классификации людей на глину и сверхчеловека. В свете таких критериев человеческая жизнь оказалась в пределах экзистенциального представления о существова-

нии. Человек уже не мог влиять на исторические процессы, которые стали формировать социальную психологию безысходности и пессимизма. Только отдельные герои в таких условиях способны противостоять негативным обстоятельствам. Но их активность ограничивается ими самими. Они сконцентрированы на самопознании, созвучном поведению фаустовского персонажа. В результате замкнутости на экзистенциальных поисках европейское общество оказалось в условиях расцвета кризисного общественного сознания. Пик этого расцвета на уровне рефлексии пришелся на вторую половину XIX столетия, на уровне социальной практики – на XX столетие.

Усиление роли кризисного общественного сознания в Европе сопровождалось ростом значения техногенных факторов индустриализации, урбанизации, социальной мобильности. Возникла ситуация разрыва поколений. Освободившиеся от культурной среды маргинальные слои общества оказались под влиянием технократических идеологий господства одной части общества над другой. За основу были взяты биологические критерии расового превосходства. В этой внешне ясной модели организации общества отсутствовала гуманитарная составляющая. Акцентировались социальные практики массового уничтожения людей. После второй мировой войны кризисное общественное сознание не исчезло, а модифицировалось. Его формы приобрели большую социальную направленность, созвучную идеологии национализма. Но и в свете этих критериев европейское радикальное общественное сознание не стало гуманитарным. Политические институты европейской демократии маскируют кризисное ядро цивилизации, отказавшейся не только от духовных, но и культурных ценностей. В таких условиях говорить об исторической памяти не хочется даже тем политическим элитам, которые оказались в эпицентре исторической тематики.

На фоне европейской проблематики малоисследованными остаются вопросы дальневосточной тематики, связанной с эволюцией японского общества и представлявшей его в XX столетии политической элиты, а также ее роль в военных практиках Второй мировой войны, основанных на игнориро-

вании гуманизма. Насилие к другим народам, в первую очередь, китайцам, корейцам, японские военные применяли, находясь в пространстве духовных традиций буддизма, синтоизма, института императорской власти, утонченной эстетики мировосприятия. Одной из причин этого может быть отсутствие традиций гуманизма в дальневосточном регионе, этатизм. Но только в Японии названные факторы создали феномен агрессивных и воинственных настроений. Что-то подобное произошло в Европе с Германией в тридцатые годы XX столетия. Большие геополитические амбиции практически к минимуму сводят гуманитарную составляющую в деятельности национальных политических элит. Во власти подобных амбиций в свое время оказались США, и по отношению к ним проявилась эта закономерность. Исключение составляет Россия, которая не лишена была в истории геополитических амбиций, особенно начиная с Петра I, но эти амбиции не сопровождались массовым уничтожением мирного населения. Причина кроется в доминировании в российском общественном сознании положительных комплиментарных практик. Этот вопрос детально был изучен Л.Н. Гумилевым в контексте прочтения истории Евразии [4].

Идентичность положительных комплиментарных практик формировалась исторически. Ее топологические координаты акцентированы на восточно-европейской равнине, Арктике, Сибири, Дальнем Востоке, а также на степных пространствах скифского наследия Крыма, Причерноморья, Северного Кавказа, Алтая, Саян, Туркестана. Восточные славяне одними из первых столкнулись с проблемой межкультурного диалога в районе Киевской Руси. Этот диалог строился первоначально на акценте различия с другими культурами, что делало их социальную и политическую жизнь крайне нестабильной. В перспективе эту группу племен ожидала колонизация или со стороны Запада, или Востока, что и показали крестовые походы и татаро-монгольское нашествие. Но ко времени этих решающих событий восточные славяне трансформировали свое понимание межкультурного диалога. Они стали отдавать предпочтение во взаимоотношениях с евразийскими лесными и степ-

ными народами положительным комплиментарным практикам. Возросший пассионарный ресурс восточные славяне актуализировали в соответствующем их новому содержанию географическом пространстве, известном как Золотое Кольцо. Здесь сформировалось Московское государство, которое дистанцировалось от Запада и Востока собственным цивилизационным статусом. Его подчеркивало православие, культурно-исторический тип образа жизни. Православие, сохранившее греко-византийскую догматику, синтезировало культуру степных и лесных народов. Об этом свидетельствует архитектура в виде шатрового и звериного стилей, деревянного северного зодчества. Синтез положительных практик проявился в двух процессах формирования северной евразийской общности. С одной стороны, важную роль сыграла внутренняя динамика локального пространства Москвы, куда стекались выходцы из Великого Княжества Литовского, не принявшие католичество, татары и половцы, не принявшие ислам, муромь. Здесь они находили пространство единого образа жизни, женились и уже через несколько поколений воспринимали себя идентичными единому народу, готовому культивировать общие ценности. Это наглядно проявилось в жизнедеятельности преподобного Сергия Радонежского, приблизившего встречу православия с новой социальной целостностью и благословившего Д. Донского на ратное дело. Как пишет Л. Гумилев, на поле битвы отправилась рать, а вернулся единый народ, консолидированный духовными ценностями.

Доминирование механизмов положительной комплиментарности в межкультурном диалоге северных евразийских народов обеспечило быстрое пространственное становление новой цивилизации, ее экономическую специфику, связанную с охотничьим и лесным промыслом, кочевым животноводством, земледелием.

Переход североевразийской цивилизации на техногенную стадию развития был ускорен внешними факторами геополитического давления. Россия терпела поражения в Северной войне. Ей нужна была современная армия, военно-морской флот, промышленность. Петр I принял историческое решение

о техногенной модернизации России, что одновременно открыло путь к ее европеизации. Этот процесс выразился в феноменах золотого и серебряного веков российской культуры. Россия стала привлекательной для тюркских степных народов, оценивших ее цивилизационный статус. Так, для Абая русский язык, наука, техника, образование стали вектором развития Казахстана в направлении ценностей техногенной цивилизации. Великий мыслитель степных народов пишет о культурном коде, освоение которого откроет путь казахам к достижениям европейской культуры. В этом коде есть трансграничная составляющая транзитного наполнения. Она представлена русским языком. Через него открывается путь к техногенным достижениям науки и образования. Ценностный приоритет в российской идентичности положительных комплиментарных практик отражается на содержании ее диалога с европейской и китайской культурой. Эти векторы межкультурного диалога были актуализированы россиянами практически в одно историческое время.

Аспект функциональной значимости положительных комплиментарных практик был актуализирован в диалоге России и Китая. Его основа лингвистическая. Эту традицию в рамках поиска дипломатических контактов со странами Дальнего Востока закладывал И. Гашкевич, деятельность которого в рамках российской дипломатической миссии была высоко оценена. Акцент на языковую семантику положительной комплиментарности высоко оценивал А.Ф. Лосев. В результате обоюдного интереса сформировалось направление семиотической компаративистики, которое занимает важное место в исследованиях современных китайских авторов. Этот интерес выразился в монографии «Философия межкультурных отношений: Беларусь в диалоге современных цивилизаций», изданной в Белорусском национальном техническом университете в 2012 году. В монографии много места уделено темам языковой комплиментарности в структуре родства, семьи, культурной среды [5].

Евразийская направленность постсоветского пространства позволила актуализировать историческую память о дальневосточном регионе периода

Второй мировой войны. Это видно по тому, как все более активно ветераны делятся своими воспоминаниями об особенностях фронтовой жизни в условиях боевых действий с квантунской армией Японии. В их воспоминаниях значительное место занимает описание повседневной жизни китайского населения, его культурных особенностей [6. с. 169–172]

Когда речь идет о наличии в структуре цивилизационной идентичности положительной комплиментарности, то подразумевается наличие определенной доминанты в общей истории региона. При этом важную роль имеет фактор межкультурного диалога с другими цивилизациями, в рамках которого происходит не только обмен культурными практиками конструктивной направленности, как это имеет место во взаимоотношениях России и Европы, но и конфликтной направленности, связанной с механизмами столкновения цивилизаций в пространстве определенных интересов. Транзитивная периферия сильно влияет на внутреннюю динамику идентичности и трансформирует ее защитные механизмы. В результате культура начинает играть все большую роль в виде ценностной проблематики. Эта растущая тенденция информационного переосмысления акцентов в межкультурном диалоге цивилизаций дополняется конструктивными факторами национальной психологии. Посредством них в общественном сознании актуализируются архетипы исторической памяти. В синтетическом виде они позиционируются в форме патриотизма. Они не ограничиваются только герменевтикой. В них история переходит в задачу модернизации деятельности применительно к требованиям техногенной конкуренции, паритета сил. В таких условиях положительные комплиментарные практики выходят за границы только демографического синтеза разнородных общностей. Важную роль начинает играть экономическая кооперация, региональное разделение труда. Именно к такому уровню использования положительных комплиментарных практик смогли подняться политические элиты России, Казахстана, Беларуси. Потребность освоения подобных практик осознается в Армении, Кыргызстане.

Экономический параметр межкультурного диалога дополняется параметром единого интеллектуального пространства, содержащим огромный ресурс инновационной деятельности, ее эффективного использования. Россия в свете существующих угроз исторической памяти о Второй мировой войне нуждается в интегрированной экономике не только энергетического, но и человеческого капитала. У этого капитала общая культурная основа, языковое пространство, образ жизни.

Литература

1. Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М, 1984.
3. Такман Б. Ода политической глупости: От Трои до Вьетнама. М., 2015.
4. Гумилев Л.Н. Сочинения. М., 2012.
5. Лойко А.И. Философия межкультурных отношений: Беларусь в диалоге цивилизаций / А.И. Лойко, В.А. Семенюк, Л.Е. Лойко, В. Юйхун. Минск, 2012.
6. Волков Е.Л. Евразия ближняя и дальняя во фронтовых и послевоенных воспоминаниях уроженца Беларуси // Общая история единения народов. Роль лидеров Казахстана и Беларуси в становлении и развитии независимых государств. Минск, 2015.